

Театральная и музыкальная хроника.

Первое представление на астраханской сцене новой пьесы талантливейшего из русских «молодых» писателей Антона Чехова «Дядя Ваня», состоявшееся 24 ноября, дало ничтожный сбор. Не хочу винить наших театралов в преднамеренном отсутствии на этом спектакле. Как близко знающий провинциальный быт, я скорее склонен думать другое. Дело в том, что 24 ноября город бывает переполнен... именинниками. А в таких случаях, как наша Астрахань, бедным антрепренерам приходится спешиться с... именинами обывателей. Хотя-бы потому, что их влияние «роковое»...

Возвращаясь к отчетному спектаклю.

Пьеса «Дядя Ваня» г. Чехов не присвоила обычного названия «драма» или «комедия». Под заголовком стоит фраза «сцены из деревенской жизни».

Сцены написаны ярко, жизненно, талантливо. Одна колоритнее и художественнее другой. Все от проникнуто теплым, хорошим, освежающим чувством. От духа идет жизнь, ее тревожения и тяготы.

Нет в них «захватывающего» драматизма, нет так называемых сценических прикрас и эффектов, нет «выигрышных» ролей. Тем не менее от, взятая в совокупности, производит сильное, незабываемое впечатление, будит тревожные мысли, волнует.

Такова уже сила таланта. Так мастерски набрасывает автор картинки суровой будничной жизни, с ее мелочными интересами и страстишками. Смотря эти картинки, до боли становится жаль «продаваемого» провинциала. Безпросветное существование превращает его в простую ходячую машину, в наемную, не идущую—кому он нужен, для чего «продается» на блуд свет. Один скучный, томительный день сменяется другим, как две капли воды похожий на предыдущий. Так проходят недели, месяцы, годы. Так улетает и вся жизнь «интеллигента».

Нет ничего бодрящего, освежающего, дающего смысл «житейской канители». Поневоле люди превращаются в «пошляков», утрачивают образ и подобие Божие. Пьют, сыт, бдт—вот и вся житейская программа. Особенно усердно «пьют», так как не пить нельзя—тоска задушить, самоубийством

Астрах

окончить. Пить и лучшие люди. Пить, чтобы хоть на мгн. забыться. Пить и—безропотно гибнуть. Отдаться, не успев расцвѣсть.

Всѣ они, по выраженію одного изъ дѣствующихъ лицъ, «судные», т. е. измученные, развинченные, опустившіеся, погибшіе. Атмосфера, ихъ окружающая—убійственна. Все хорошее и чистое растворяется и исчезаетъ въ морѣ пошлости. Остается одно отчаяніе, безнадежность, слѣпая покорность судьбѣ.

Человѣкъ гибнетъ. Отлично сознаетъ, что гибнетъ. И все-таки гибнетъ, даже безъ протеста. Нѣтъ выхода, положеніе—безъисходное. Кругомъ кракъ, нищета, невѣжество. Помочь—нѣтъ силъ.

И тонуть безмѣдно въ омутѣ провинціальнаго прозябанія. Тонуть единицами, десятками, сотнями, тысячами...

Тяжело это видѣть. Тяжело быть свидѣтелемъ. Еще тяжелѣе, конечно, быть на ихъ мѣстѣ.

«Нудно». Безконечно «нудно».

Какъ будто присутствуешь на похоронахъ живаго человѣка. Тяжелое, гнетущее чувство...

Тоска томить, мучить и зрителя...

Таковы впечатлѣнія вашего покорнаго слуги.

Передавать «сюжетъ» не буду. Сухая «передача» не дастъ мало-мальски яснаго и вѣрнаго представленія о «Дядѣ Ванѣ». Нужно его посмотрѣть отъ начала до конца, посмотрѣть внимательно. Вся прелесть пьесы—въ деталяхъ, отбѣсахъ, мелочахъ. А ихъ въ газетную замѣтку не втиснешь.

Исполненіе въ общемъ нужно признать удовлетворительнымъ (соображаясь, конечно, съ силами труппы), старательнымъ. Больше другихъ успѣха имѣлъ г. *Расатовъ* въ заглавной роли. Очель недурна была г-жа *Терехова*. Обыкновенно она играетъ холодно. На этотъ-же разъ вложила много чувства, одушевленія.

При второй постановкѣ «Дядя Ваня» долженъ пройти глаже, ровнѣе. Совѣтую посмотрѣть.